

К ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ
РАННИХ ТЮРКИЗМОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

(I. Рус. блр. *коврига* 'круглый хлеб; каравай', болг. *ковриг* 'бублик', болг. *кофрѣг* то же, болг. *коврѣх* 'раст. *Scabiosa L.*')

II. Болг. *кѡлбаи*

'вид старинного женского головного убора или часть этого убора')

Этимологическая проблематика ранних тюркизмов в славянских языках является актуальной, но чрезвычайно трудной областью исследования из-за двойственной зависимости конкретных исследований от специальных разделов славистики и тюркологии, различающихся по традициям и по уровню разработки.

Эта усложненная зависимость создает на теперешнем этапе специфическую неравномерность в темпе и различия в уровне конкретных исследований, грозит большими трудностями и опасностями в случае слишком преждевременных попыток обобщения.

Первостепенной задачей представляются пока не только новые этимологические идентификации ранних тюркизмов в славянских языках, но и ревизия утвердившихся уже этимологических толкований — в целом или в определенном аспекте: звуковом, словообразовательном, семантическом, лингвогеографическом или культурноисторическом. Подобные частные результаты все-таки непосредственно отражаются в специальных областях как ранней истории славянских языков, так и ранней истории тюркских языков.

I

Тюркская этимология русского и белорусского слова *коврига* 'круглый хлеб; каравай', засвидетельствованного уже в XI в., начинается верным по существу сопоставлением Миклошича с османотурецким словом *gevrek* 'хрупкий; бублик'¹, после которого последовал чрезвычайно спорный опыт толкования Мелиоранского на основании сближения с османотур. *kivrik* 'витой, закрученный'². Это толкование повторил без пересмотра Младенов в связи с болг. *ковриг*³. Сопоставление Миклошича было отвергнуто без аргументации Бернекером⁴ и не принято Фасмером вместе с упомянутым выше опытом толкования Мелиоранского

* © М. Рачева, 1981 г.

¹ Miklosich, S. 136.

² Мелиоранский П. Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского периода. — Изв. ОРЯС, 1905, 10, кн. 4, с. 121.

³ Младенов, с. 244.

⁴ Berneker, S. 593.

и некоторыми другими, действительно фантастическими предположениями⁵.

Ревизия точки зрения Фасмера в специальном исследовании Львова⁶ способствовала не только отстранению одного фиктивного значения 'вид печенья или пирога' = 'Art Kuchen' (по Бернекеру) для русского *коврига*, но и установлению древнего, исконного значения заимствования — 'сухая лепешка'. Основанием для этого послужили синонимические или параллельные употребления вместо слова *коврига* в разных списках одних и тех же памятников древнерусского языка: . . . соухыа посамагы, . . . мало просфуръ, а также русские диалектные значения этого слова: 'лепешка' и особенно 'черствый хлеб', 'скупой человек'.

Выявление древнего значения рус. *коврига* 'сухая лепешка', отличного от современного значения 'круглый хлеб и т. д.' — существенный результат изысканий Львова, являющийся предпосылкой дальнейшего этимологического исследования. Но мнение Львова о решающей роли понятия 'жарить' в семантике слова представляется неубедительным. Это понимание побудило автора сопоставить в дальнейшем слово *коврига* с тюркскими формами, восходящими к общетюрк. *kaγur-* 'жарить; жечь'; при этом они смешиваются с такими формами, как (здесь непоследовательная транскрипция по автору) османотур. *γāvırak* 'сухой, хрупкий; сухарь; бублик', ст.-узб. *keurek* 'хрупкий, сухой' и под., которые относятся в действительности к другой глагольной основе — *käwrä-, küwrä-*, 'становиться хрупким, сухим, черствым'.

Семантическое соответствие и формальная соотносимость поддерживают сопоставление рус. *коврига* < **ковриг* (ср. болг. *ковриг*, др.-рус. *коврижекъ, коврижець*) с тюркским отглагольным образованием, близким типу общетюркского отглагольного прилагательного **käwräk* 'хрупкий, сухой, черствый', производного от **käwrä-* 'становиться хрупким, сухим, черствым'. Львов реконструировал на основе смешанного из двух основ материала исходную тюркскую форму **kävrag* > слав. **къвригъ* > **ковригъ* с закономерным для восточнославянских языков переходом *ъ* > *о*? Но эта реконструкция, игнорирующая (может быть, из-за неустановленной диалектной локализации в словаре Герова) объяснение болгарского слова *ковриг* 'бублик'⁸, не выдерживает закономерного сопоставления и с одной неисследованной до сих пор за-

⁵ Фасмер II, с. 272.

⁶ Львов А. С. Из лексикологических наблюдений. 4. Об этимологии слова *ковригъ*, -га. — В кн.: Этимология. 1966. М., 1968, с. 153—158.

⁷ Львов А. С. Указ. соч., с. 157; ср.: Он же. Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 161, 162.

⁸ *Ковриг* м. мн. ч. -ци 'небольшие бублики, которые готовят к дню Малой Коляды и раздают их *ковриженцам-колядчикам*'; *ковриженец* 'колядчик'; *коврижалка* 'палка, которую носят ковриженцы-колядчики и на которую навязывают бублики *коврици* (Геров II, 380); *коврижé* ср. умал. 'бублик' (д. Антимово, Силлистренская область, Диалектный архив Института болгарского языка БАН, София).

надноболгарской диалектной модификацией того же заимствования — *кофрѣг* ‘бублик’ (и его производными) ⁹.

В Северозападной Болгарии, где локализовано заимствование *кофрѣг* ‘бублик’, предполагаемое Львовым *ѣ* в первом слоге реконструкции **кѣвригѣ* дало бы только *ѣ*, но не *о*. Очевидно поэтому, что болг. *кофрѣг* свидетельствует не о предполагаемом Львовым переходе *ï > а > ѣ* в первом слоге раннего тюркского заимствования, а о переходе *ä > а > о*: *käw-* > *ков-*. Гласные же *и* или *ѣ* под ударением во втором (последнем) слоге рус. *коврѣга*, болг. *коврѣг* и *кофрѣг*, которые остаются неясными при сопоставлении с гласным *а* в обычной форме тюркского отглагольного прилагательного **käwräk* ‘хрупкий, сухой, черствый’ (которому соответствует османотур. *gevrek* ‘хрупкий, сухой; бублик’), хорошо объясняются как отражения какого-то узкого гласного во втором слоге тюркского прототипа заимствования. Соответствующая форма *käwrük* = араб. *al baqsimāt* ‘сухарь’ действительно засвидетельствована, хотя и сравнительно поздно, в арабско-кыпчакском словаре Абу-Хайяна XIV в. ¹⁰

Своеобразную форму *käwrük* в сравнении с общетюркским **käwräk* Клоусон ¹¹ помечил скептическим вопросительным знаком: эта форма без сомнения должна вызывать специальный интерес в звуковом и в словообразовательном плане. Но сомневаться в ее реальности, в конечном счете, нельзя, тем более, что она является в конкретном случае предпосылкой понимания заимствованных вариантов *коврѣг(а)* и *кофрѣг*.

Отражение тюркского *ï* из предполагаемой исходной формы типа кыпчакского *käwrük* ‘сухарь’ как *і* под ударением в заимствовании *коврѣг(а)* имеет свои параллели, например, в др.-болг. слове *тикѣръ* ‘зеркало’, сопоставляемым с древним венгерским тюркизмом *tükör* ¹² с чуваш. *тѣкѣр* то же ¹³. Отражение же *ï* как *ѣ* в *кофрѣг* представлено, например, в заимствованном этнониме *türk* > **tѣrkѣ* (др.-рус. *тѣрky* мн. ч.) > рус. *торк* (*тѣрки* — название тюркского племени).

Следует своевременно отметить отражение звонкого проходного тюркского *w* как глухого взрывного *ф* в болг. *кофрѣг*: на бол-

⁹ *Коврѣг* м. мн. ч. *кофрѣги* ‘небольшой калач, который дарят детям, когда они посещают дом’. Форма соответствует форме калача, но концы складывают крестом’; *кофрѣженци* м. мн. ч. ‘дети, которые посещают дома к Рождеству и собирают кофрѣги-калачи’; *кофрѣжалка* ж. ‘палка колядчика’: каждый кофрѣженец-колядчик несет палку, на которую надевают *кофрѣги* = калачи (Маринев Д. Думи и фразии из Западна България. — СбНУ X. София, 1894, с. 223).

¹⁰ *Saferoğlu A.* *Abû-Nauyân, Kitâb-al-Idrâk li-lisân al-Atrâk.* Istanbul, 1931, с. 47, 86.

¹¹ *Clauson G.* *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish.* Oxford, 1972, p. 690.

¹² См.: *Gombocz Z.* *Die bulgarisch-türkische Lehnwörter in der ungarischen Sprache.* Helsinki, 1912, S. 134.

¹³ Львов А. С. Иноязычные влияния в лексике памятников старославянской письменности (тюркизмы). — В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 243.

гарской диалектной почве *ф* может быть скорее всего из *х*, отражающего тюрк. *ш*, так как переход сочетания *шр* в *фр* через *вр* кажется необычным для болгарского языка.

Некоторое время тому назад Дуриданов¹⁴ очень удачно определил тюркское происхождение редкого болгарского диалектного названия растения *Scabiosa* L., короставник — *ковръх* (согласно источнику, без ударения), сопоставляя его с тюркскими названиями растений, при помощи которых Гомбоц¹⁵ проэтимологизировал ранний венгерский тюркизм *kóró* 'стебель, сухой стебель; сухое растение' (в транскрипции источника), кыпч. *kouva* 'кустарник, заросли терновника', кирг. *kurai* 'раст. *Hegetsueum sibiricum*', башк. *kuraj* 'тростник, камыш; дудка, флейта', куманд. *kobrax* 'дудка из стебля; растение, из которого она делается', арšак *kobrak* 'раст. *Angelika silvestris*', су *kobrak* 'какое-то болотное растение', телеут. *kōrok* то же, кирг. *kura* 'тростник, камыш', казан. татар. *kura* 'сухие стебли; бурьян; малина', чуваш. *kurăk* 'трава'.

Автор отметил трудности этимологизации этого изолированного (в единичной фиксации!) слова вследствие отсутствия данных о локализации и месте ударения; поэтому предполагаемая им болгарская исходная форма, реконструированная как **kowraγ*, имеет, без сомнения, несколько предварительный характер.

Существенным для настоящего этапа исследования кажется то, что болг. *кофръг* 'бублик' и болг. *ковръх* 'раст. *Scabiosa* L.' обнаруживают замечательную формальную соотносимость, а в семантике обоих названий можно надежно выявить, как основное и исходное, значение 'хрупкий, сухой, черствый'. Согласно специальному описанию в ботанической литературе¹⁶, раст. *Scabiosa* L. характеризуется чешуйчатыми околоцветниками. Это обстоятельство хорошо оправдывает указанное выше исходное значение. Что касается исходного значения болг. *кофръг* 'бублик', здесь остается в силе установленное уже для рус. *коврига* (resp. болг. *ковриг*) древнее и исходное значение 'сухая лепешка', точнее 'сухарь' (ср. кыпч. *kăwrük* 'сухарь'). Как известно, значение 'хрупкий, сухой, черствый' является основным значением заведительствованных в разных тюркских языках отглагольных прилагательных от *kăwrä-* 'становиться хрупким, сухим, черствым'¹⁷, которые после субстантивации образовали названия ряда растений с характерным признаком хрупкости, сухости и т. д. или изделий из теста с подобной характеристикой!

Следует отметить, что в болг. *ковръх* 'раст. *Scabiosa*' помимо предполагаемого перехода $\ddot{a} > a > o$ и отражения \ddot{y} исходной

¹⁴ Дуриданов И. Стари тюркски заемки в български език. — В кн.: Изследвания в чест на Марин Дрянов. София, 1960, с. 434—435.

¹⁵ Gombocz Z. Op. cit., S. 99—100.

¹⁶ См.: Стоянов Н., Стефанов Б. Флора на България. София, 1948, с. 1098 и сл.

¹⁷ Конкретный материал см.: Räsänen, S. 245a, Clauson G. Op. cit., p. 690.

формы типа кыпч. *käwrük* как *ъ*, присутствует конечный проходной глухой согласный *x*, в отличие от взрывных *k* в *käwrük* или *г* в *ковръга*, *ковръг*, *кофръг*.

II

Болгарское диалектное слово *кдлбаи* 'женская шапочка, украшенная вокруг цветной тесьмой' (д. Бобошево, Станкедимитровская область¹⁸), 'женский головной платок, обвязанный вокруг головы особым образом в виде шапки' (г. Самоков)¹⁹ не имеет этимологии. Иллюзорная возможность идентифицировать часть этого слова с османотур. *baş* 'голова' в качестве составной формы некоего предполагаемого заимствования из османотурецкого языка оставляет без объяснения первую часть *кол-*. Подобные попытки частичного толкования, при наличии непреодолимых семантических и словообразовательных трудностей целостного объяснения слова, являются верной приметой ошибочного применения методов этимологического анализа.

В д. Бобошево Станкедимитровской области слово *кдлбаи* засвидетельствовано в одном описании народных головных уборов. Слово называет часть женского головного убора: красную феску, украшенную вокруг цветной тесьмой, поверх которой кладется гравированная металлическая пластинка *тепелик*, закрепляемая бантом у подбородка. Автор описания Кепов специально отмечает архаичность этого элемента народного женского костюма в д. Бобошево: «. . . Все это давно исчезло и голову начали обвязывать *шамией*».

Отправной точкой предлагаемого ниже этимологического толкования слова *кдлбаи* является функция этой своеобразной шапочки как подкладки для декоративной металлической пластинки *тепелик*. Подобную функцию шапочки — подкладки, так называемого болгарского *подкдпника* (*подкдпник* 'маленькая шапочка под большой мужской меховой шапкой', ср. *кдпа* 'шапка'), выполняет в некоторых других частях западнотурецкой языковой области (Штипская, Видинская, Кулская, Белоградчикская, Ломская, Оряховская область) шапочка под названием *келепди*, определяемая традиционно как опосредствованное через турецкий язык заимствование персидского *källepîş* 'головной убор' (буквально 'то, что покрывает голову').

Сопоставление редкого и загадочного болгарского диалектного слова *кдлбаи* 'вид старинного женского головного убора или часть этого убора' с перс. *källepîş* 'головной убор' через предосманское тюркское посредничество представляется чрезвычайно привлекательным.

Обращает на себя внимание тот же самый, что и в словах *ковръга*, *ковръг*, *кофръг*, *ковръх*, переход *ä > a > o* в подударном первом слоге: *кдлбаи > källepîş*.

¹⁸ Кепов И. Народнопесни, животописни и езикови материали от с. Бобошево, Дупнишко. — СБНУ. 1936, 42. София, с. 40.

¹⁹ Диалектний архив Института българского языка БАН. София.

Элизия гласного *e* второго слога исходной персидской формы в послеударном положении на определенном этапе тюркского посредничества или же при заимствовании слова в болгарском языке кажется легко объяснимой.

Второй компонент сложного персидского слова *källe-pūš*, отраженный в заимствовании как *-баиш*, чрезвычайно интересен не только озвончением согласного *p* в середине слова (в соседстве с сонорным после элизии гласного *e*?), но и переходом персидского долгого гласного *ī* исходной формы в *a*.

Этот переход можно, кажется, объяснить только через промежуточную ступень гласного, имеющего звуковое качество болгарского *ъ* и дальнейшее развитие так называемого вторичного ера в истории болгарского языка, так как слово *кдлбаиш* засвидетельствовано лишь в двух юго-западных говорах болгарского языка: Самоковском и Станкедимитровском, где гласный *a* является единственным (в первом говоре) или одним из возможных (во втором говоре) континуантов древнеболг. *ъ* < раннепраслав. *ǐ*²⁰.

Но предполагаемый переход долгого гласного *ī* в *ъ* (> *a*) должен свидетельствовать против глубокой древности заимствования: ведь в очень раннюю эпоху дало бы закономерное *ы* > *и* в болгарском языке, а не *ъ* > *a*.

Можно предполагать предварительную утрату долготы на посреднической почве в связи с перемещением ударения на первый слог заимствования. Можно вспомнить также, что ударение на первом слоге, как в *кдлбаиш*, отмечается у некоторых из тюркских заимствований в болгарском языке, которые традиционно считаются очень древними, например болг. *бъбрек* 'почка', *бѣлег* 'знак; примета; шрам', но окончательная хронологизация указанных заимствований — дело будущего.

Существует побочное обстоятельство, требующее своевременного комментария: употребление шапочки *кдлбаиш* в совместной функции с декоративной пластинкой *тепелик* в женском головном уборе в д. Бобошево. Последнее название является, вероятно, поздним заимствованием из османотурецкого языка (тур. *tepelik* 'украшение на верхней части головного убора'). Можно считать, что не существует серьезных аргументов против допущения гетерогенности заимствованных названий составных частей определенного головного убора, как и костюма вообще, тем более, что предполагаемое предосманское заимствование в юго-западных болгарских говорах засвидетельствовано и как название головного убора с самостоятельной функцией: платок, обвязанный особым способом вокруг головы в форме шапки (Самоков).

* * *

Анализ рус. и блр. *коврига* 'круглый хлеб; каравай' и болг. *ковриг* 'бублик', *кофръг* то же, *ковръх* 'раст. *Scabiosa* L.', *кдлбаиш* 'вид старинного головного убора или часть этого убора', связан-

²⁰ Стойков С. Болгарская диалектология. София, 1968, с. 108.

ных в данном исследовании предполагаемым общим переходом исходного тюркского (или персидского через тюркское посредничество) гласного *ä* в *o* в современной форме заимствования, — пример специфической усложненности этимологической проблематики ранних тюркских заимствований в славянских языках, области, в которой результаты все еще имеют предварительный характер.

В настоящий момент очевидно то, что рус., блр. *коврига* 'круглый хлеб; каравай', болг. *ковриг* 'бублик', с одной стороны, и болг. *кофрѣг* 'бублик', *коврѣх* 'раст. *Scabiosa* L.' — с другой, имеют неодинаковую историю заимствования, хотя их связь с одним и тем же тюркским словообразовательным типом — субстантивированной формой отглагольного прилагательного, производного от тюркского глагола с основой **käb-* > **käw-* — 'слабеть, становиться хрупким, сухим, черствым, старым', представляется уже надежно обоснованной в ходе предложенного анализа.

Очевидно также, что в этом случае нельзя предполагать заимствования на праславянском уровне и что тюрк. *ü* > слав. *i*, тюрк. *ü* > слав. *ъ* представляют не звуковые переходы, а разные субституции несвойственного славянским языкам гласного. Можно в какой-то степени допустить, что болг. *ковриг*, локализованное, насколько пока известно, только в самой северо-восточной части Болгарии, является восточнославянским (русским молоканским?) словом; возможно, и рум. *covrig* 'бублик', вопреки традиционному толкованию²¹, является не болгарским, а восточно-славянским заимствованием.

Разное отражение тюркского *w* исходной формы: как взрывного звонкого *в* в рус. *коврига*, болг. *ковриг*, болг. *коврѣх*, как взрывного глухого *ф* в болг. *кофрѣг*; разное отражение девербативного именного форманта *-γ/g* или *-q/k*²²: как взрывного звонкого согласного *г* в рус. *коврига*, болг. *ковриг*, *кофрѣг* и как проходного глухого согласного *х* в *коврѣх*, тоже указывают на неодинаковость истории заимствования.

Переход *ä* > *a* > *o*, объединяющий все рассмотренные выше заимствования, можно определить пока самым общим образом как отражение веляризации начального *к*, вместе с переходом *ü* из *-rūs* (*källerūs*) в *ъ* > *a* (*кѡлбаи*), он представляет определенный интерес не только для реконструкции исходных тюркских форм заимствования, но и для ранней истории вокализма болгарского и русского языков.

Следует специально указать на консерватизм семантики анализированных здесь заимствований, которая, помимо незначительных изменений, оказалась идентичной семантике исходных форм и тем самым стала предпосылкой надежности словообразовательных и звуковых сопоставлений.

²¹ См. например: *Tiktin H. Rumänischdeutsches Wörterbuch*, I. Bukarest, 1903, S. 428 и сл.

²² Об их смешении уже в древнейшей истории тюркских языков см.: *Севортян Э. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке*. М., 1966, с. 213 и сл.